

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 11-17, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94

Letters and Diaries of E.M. Rudneva as a Historical Source

Tat'yana P. Khlynina

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of the Russian Academy, Russian Federation
Dr. (History)

Abstract. The article, studying the certain source, shows the possibilities of the published documents of personal origin for the study of anthropologic component of the Great Patriotic War, notes that they reconstruct the unusual image of war. It appears to the reader as a time of people, who fought and lived with a strong faith that life goes on against the odds. The paper emphasizes that habituation to this image for the professional society is still akin to the 'practice of wearing boots of the 41 size'.

Keywords: letters and diaries; E.M. Rudneva; historical source.

Введение.

Интерес современного исследователя к эпистолярному наследию Великой Отечественной войны необычайно высок. Он вызван, прежде всего, теми возможностями, которые предоставляет профессиональному сообществу обновленное историческое знание, пережившее за последнее десятилетие не один методологический поворот. В его пространстве история войны постепенно обретает не достававшее ей длительное время антропологическое измерение, превращаясь из идеологически выдержанного официоза в подлинную человеческую драму. Со страниц исторических сочинений война все чаще предстает не столько масштабным столкновением противоборствующих систем, сколько коллизией человеческих судеб. Судеб, воплотивших в себе горечи военных поражений и отчаяние первых побед; безыскусность быта тыловой жизни и какое-то неиссякаемое, исподволь дающее о себе знать стремление к его эстетизации; всепоглощающее чувство страха и головокружительной легкости. Война перестала восприниматься сплошной чередой преступлений, уступив место представлениям о ней как о жизни в чрезвычайных условиях.

Обсуждение.

Своему новому историографическому облику профессиональное знание о войне не в последнюю очередь обязано и начавшейся исследовательской реабилитации источников личного происхождения. Вплоть до начала 1990-х гг. они находились в тени признаваемых более достоверными официальных документов, безраздельное господство которых в исторической науке, собственно, и привело к утрате ею не только вкуса к деталям, но и «запаху человечины» (М. Блок). Однако процесс превращения историка войны в «сказочного людоеда» оказался долгим и не лишенным изрядной доли драматизма.

Великая Отечественная война стала для нашей страны не просто трагическим событием недавнего прошлого, память о котором не подлежит забвению. Она стала символом безусловных преимуществ советского строя и исторической оправданности его существования, прежде всего, в сознании поколения победителей. Приобретая со временем статус общенационального мифа, война из исторического события превратилась в место памяти. В отличие от истории память *«не взывает к критическому дискурсу»*, а *«помещает воспоминание в священное»* [1], лишая его, тем самым, присущей обыденной жизни логики здравого смысла и прозрачности понимания. Именно поэтому любая попытка приблизиться к иному видению событий военного времени встречает противодействие не только со стороны государства и общественных организаций, но и самого профессионального сообщества, являющегося зеркальным отражением происходящих в стране перемен.

Начавшаяся вслед за методологическим обновлением знания о прошлом источниковедческая революция буквально взорвала единое пространство официальной памяти о войне, сделав достоянием гласности множество иных памятей о ней. Со страниц дневников и писем того времени война нередко предстает не столько патриотическим порывом советского человека, сколько повседневной рутинной налаживанием быта и восстановления хотя бы какого-то подобия довоенной мирной жизни. Тематически и сюжетно расширяя исследовательский нарратив о войне, источники личного происхождения, вернее практики их использования, демонстрируют не только познавательные возможности источника, но и разнообразные коллизии его жизни в потоке времени. Речь, прежде всего, идет о неоднозначном и крайне противоречивом процессе взаимодействия исследователя с находящимися в его распоряжении источниками личного происхождения военного времени. Подверженные цензуре и сосредоточенные по преимуществу на передаче личных ощущений переживаемого момента, они с большим трудом встраивались в панорамные полотна беспримерного боевого и трудового подвига советского народа. И лишь со смещением исследовательского интереса к микроистории, повседневной жизни советского общества эта группа источников обрела свое второе рождение.

При этом исследовательская экспансия их освоения сосредоточилась в основном на неопубликованных архивных документах. Использование же опубликованных источников натолкнулось на стойкое недоверие к ним со стороны профессионального исследователя. Оно вызвано, прежде всего, тем, что при подготовке к печати тексты воспоминаний и писем проходят литературную обработку, превращая «наивное» письмо в строго продуманное сочинение на заданную тему; они избавляются от деталей и ненужных подробностей, тем самым, лишая источник подлинности и созвучности породившего его времени. Однако даже в таком «исправленном» виде дневники и письма не теряют своей исследовательской привлекательности, сохраняя для историка возможность, получить ответы на многие интригующие его воображение вопросы, нередко выходящие за пределы возможностей самого исторического познания.

Так, дневники и письма Героя Советского Союза Е.М. Рудневой публиковались трижды [2]. Как отмечает в предисловии к последнему изданию И.В. Ракобольская, усилиями которой они стали достоянием памяти о войне, *«объем книги, да и собственный взгляд редактора предыдущих изданий привели к тому, что было сделано много купюр в тексте, особенно ограничены материалы, охватывающие годы учебы в университете»*. Ряд «тоненьких тетрасточек» с воспоминаниями Е.М. Рудневой осел по окончании войны в школах и пионерских дружинах, носивших ее имя, а дневники 1940 – 1941 гг. оказались и вовсе утерянными [3]. Накануне 50-летия Победы командир 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка И.В. Ракобольская, штурманом которого была Е.М. Руднева, попыталась вновь собрать все сохранившиеся о ней материалы. Предыдущие издания пополнились письмами подруги, архивными документами и комментариями, *«чтобы понятнее стала обстановка, в которой они (дневники и письма – авт.) писались»*. В книге появились *«небольшие фрагменты из того, что написано было о Жене ее однополчанами и полнее раскрывает ее образ»* [4]. Итогом этих усилий стало появление полноформатного метадокумента, выходящего далеко за пределы собственно биографического повествования.

Необходимость переиздания «этого поразительного человеческого документа» для И.В. Ракобольской была вызвана не только желанием *«снова оглянуться назад, пока еще живы свидетели тех трудных лет и подвигов наших дорогих друзей, пока не растеряны их свидетельства»*, сколько стремлением прояснить нынешнему поколению «много странного и непонятного» из событий того времени. В частности, сквозь призму живого свидетельства помочь ему приблизиться к пониманию того, *«откуда у молодой студентки-астронома могло появиться желание быть в комсомоле, партии, готовить себя к обороне Родины, а когда грянула война – добровольно уйти на фронт»* [5]. Представляется, что опыт подобного понимания полезен и профессиональному исследователю, для которого человеческое измерение войны остается плохо освоенной и в ряде случаев все еще непроходимой территорией.

Показательно, что в последние годы в профессиональных изданиях появляются нотки скепсиса в оценках природы патриотического порыва и искренней веры многих советских людей в защищаемое ими правое дело. Сегодняшнее знание о большой войне, выигранной чрезмерным напряжением жизненных сил и воли миллионов советских граждан, зачастую переносится на реалии совершенно иного времени, когда *«кругом столько ужаса и крови, а у меня, наверно, сейчас самое счастливое время. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется. И вот у меня двойная жизнь: в мыслях о будущем все рисуется туманно, но очень светло. Ведь главное – кончится война»* (2 декабря 1942 г.) [6]. Время, очевидцы и творцы которого запомнили его не столько тяжелым испытанием на прочность первого в мире государства победившего социализма, сколько проверкой на крепость своих чувств, привычек, отношений с родными и близкими им людьми. Их «наивное» повествование о войне, порой лишённое высокого устремления к мести «за поруганную честь родины», в качестве исторического источника не менее ценно, чем статистически выверенные сводки боевых действий отдельных подразделений Красной армии или партизанских соединений. Именно благодаря этой наивности мы понимаем, что жизнь не остановилась, а находила все новые формы своих проявлений, для которых война оставалась всего лишь временным фоном.

Евгения Максимовна Руднева родилась в 1920 г. в Бердянске. В 1929 г. семья переехала в Подмосковье. По окончании школы она поступала на механико-математический факультет МГУ, а в октябре 1941 г. наряду со многими сверстницами ушла на фронт. Ее фронтовая жизнь оказалась тесно связанной с авиацией: школьное увлечение астрономией переросло в сознательный выбор штурманской школы, откуда она попала в легендарную эскадрилью «ночных ведьм». Как впоследствии писала И.В. Ракобольская: *«В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк – 46-й гвардейский, Таманский, дважды орденоносный полк ночных бомбардировщиков, летавший на самолетах По-2. В этом полку мужчин не было. От техника до командира полка – одни только женщины. В основном девочки от 17 до 22 лет... Штурманами ... стали в основном студентки вузов – математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине. Они быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи...»*. Е.М. Руднева стала для полка *«звездочетом и сказочником»*, *«милой, нежной, любимой подругой»* [7], которой совершенно не шла военная форма, а на *«маленьких ногах болтались сапоги 41-го размера с задранными вверх носами»* [8].

Едва ли ее дневники и письма расскажут нам больше о боевом пути полка, чем сухая отчетность его командного состава. Однако она не может заменить собою ни остроты впечатлений, ни апатии усталости тех, кто вопреки инстинкту самосохранения и приказам начальства жертвовал собою во имя оставленной мирной жизни. Жизни, наперекор войне, бравшей свое и властно требовавшей обустройства быта, элементарной гигиены и досуга. В этом отношении эпистолярное наследие Е.М. Рудневой, равно как и многие другие опубликованные дневники, письма и воспоминания участников войны, может оказать историку неоценимую услугу, став для него проводником в мир военного повседневья, пространство которого удивительным образом напоминало о не прерывавшейся связи с довоенным временем, проясняло его течение и наполненность.

Дневники Е.М. Рудневой охватывают 1934 – 1944 гг., письма датируются октябрём 1941 – апрелем 1944 гг. Дневниковые записи, которые она стала вести с 14-летнего возраста, вплоть до 1941 г. носили регулярный и в тематическом отношении очень разносторонний характер. В годы войны они стали менее регулярными, более подробными и в содержательном отношении очень цельными. Обращает на себя внимание их временная выверенность и точность: помимо привычной даты записи, всегда присутствует время, выражаемое либо часами, либо определенной частью суток: *«Вчера утром я летела на разведку с Надей. Туда – почти до Сергеевского – 32 минуты, а обратно 8 минут... С Мартой мы два раза взлетали и садились, а на третий раз набрали 200 м и полетели в Красное. Знала я малую путевую скорость, но такой! 60 км летели 1 час 50 минут! А всего в воздухе были 2.08»* (25 января 1943 г.) [9]. *«3 часа дня. Вчера вечером мы, наконец-то, убрались оттуда. Пытались заблудиться и даже сбили с пути истинного братиков, но скоро опомнились. Прибыли в Варваринское поздно вечером, помылись, поужинали всухомятку и уснули – крепко-крепко. Ночью кто-то стянул с меня шинель... В 5 часов утра тронулись в Абинскую. Там была трехминутная остановка...»* (30 августа 1943 г.) [10].

В письмах отчет времени велся от момента получения или отправки предыдущего письма: *«Милые мои, золотые! Мамуленька! Папист! Я на вершине блаженства – сегодня получила, наконец, вашу открытку от 13.11.41 г. Я знаю ее почти наизусть, столько уже раз читала всем вслух...»* (1 декабря 1941 г.) [11]. *«Мамочка, получила вчера вечером твое письмо от 17 декабря, а два дня перед этим – за 18 и 21 декабря»* (17 января 1943 г.) [12]. Однако под воздействием происходящих событий время из меры и количественной характеристики нередко превращалось в индикатор эмоционального состояния: *«Но злая я сейчас такая, какой ты меня еще ни разу не видела, – они, проклятые гады, разбомбили мой университет, мой любимый университет. Мне хочется выучиться и как можно злее им отомстить за университет, за сожженное Пулково, за разгромленный Екатерининский дворец, за все, может и за вас, мои родимые, потому что я ничего о вас не знаю»* (14 ноября 1941 г.) [13]. *«Сегодня у нас хорошее настроение – Совинфобюро сообщило о прорыве на Северо-Западном фронте...»* (24 января 1942 г.) [14]. *«У меня сейчас очень хорошее настроение: получила от Лени письмо на английском языке. Довольна, потому что все поняла, а то уж я боялась, что совсем английский язык забыла»* (21 февраля 1942 г.) [15].

Плотность, разреженность и направленность времени всецело зависели от местонахождения «человека воюющего», выполняемых им задач и возможностей располагать собою. Оказавшись осенью 1941 г. в Энгельской военной авиационной школе пилотов, курсанты столкнулись с жесткой дисциплиной и распорядком дня. В письмах к родителям Е.М. Руднева, привыкшая к покорению любых научных вершин, с огорчением отмечала, что ей очень плохо дается освоение азбуки Морзе, и она тратит на нее все свое свободное время: *«Я готовлюсь к празднику 7 ноября и усиленно изучаю азбуку Морзе. Папист, мне осталось выучить всего лишь шесть букв. Остальные принимаю на слух, но еще плоховато, вот вчера пропустила Л и Ц, сегодня их путала»* (5 ноября 1941 г.). *«Папист, завтра пишу контрольную работу по приему цифр. Буквы я принимаю все, но плохо»* (14 ноября 1941 г.) [16]. Немного пугали холода и боязнь с их наступлением потерять хорошую физическую форму: ежедневную зарядку на свежем воздухе заменили 15 минутной пробежкой. Однако больших изменений, резко менявших привычное течение жизни, она в тот момент времени еще не ощущала. Из небольшой подборки опубликованных за 1941 г. писем мы узнаем о капризах погоды (*«погоды у нас стоят чудные – тепло, солнышко совсем летнее, ходим раздетыми»*); выданной теплой форме (*«особенно хороши шапки с ушанками»* и *«чудные ватные варежки»*); хорошей еде (*«селедка, масло, сахар, хлеб, был даже сыр»*). Е.М. Руднева отмечала, что война поменяла статус денег, которые как-то вдруг утратили свое прежнее материальное обаяние: *«Пишешь о деньгах – мне их девать некуда, интересное у нас к ним отношение теперь – деньги абсолютно не представляют ценности, потому что нам из еды или одежды ничего не нужно. Я трачу их на карандаши, духи, больше отдала в фонд обороны. Теперь, как только Гитлера отгонят от Москвы, я буду присылать их вам – вам-то они, наверное, не помешают»* (1 декабря 1941 г.) [17].

Практически для всех девушек, соприкоснувшихся с армейской жизнью, куда большим потрясением, чем еще не виденные ими ужасы войны, оказалось их внешнее преобразование. По этому поводу И.В. Ракобольская вспоминала: «... Нам выдали военные обмундирование. Но как мы неловко чувствовали себя в форме, когда надели ее в первый раз! Большие гимнастерки и брюки, длинные мешковатые шинели и – самое мучительное – сапоги от 40-го до 43-го размера... Нарочно нельзя было придумать одежды, так сильно лишаящей девушек привлекательности! Если еще добавить противогаз и флягу на боку...». Первый приказ, который выслушали на перроне г. Энгельса 23 октября курсанты летной школы, касался всеобщей стрижки «под мальчика», где дозволительной длиной волос «спереди» выступало пол-уха [18]. Расставание с косами шло со слезами, а уже через месяц Е.М. Руднева писала домой: «Интересно – узнали бы вы меня теперь – ведь я совсем мальчишка. Похожа на папу в молодости. Интересно, вчера я подумала о том, что как по всему привыкаешь – я вполне легко прыгаю по лестницам на четвертый этаж в сапогах 41 размера. Когда их нам в Москве выдали, мы не умели в них ходить, а теперь я наворачиваю портянки и прекрасно себя целый день чувствую. Из юбки я сделала четыре портянки, а остальные вещи сдала здесь на хранение» (1 декабря 1941 г.) [19].

С переходом в действующую армию и получением определенных обязанностей война из дела, к которому готовили («я занимаюсь, но не в университете, как ты, мамуля, думаешь, а готовлюсь для ухода на фронт. Мы сидим в тылу для того, чтобы овладеть грозным оружием»), стала реальностью повседневной жизни. Тональность писем и дневниковых записей меняется в сторону оценок людей, повышается требовательность к себе. Е.М. Руднева много размышляла о прочитанных книгах, просмотренных кинокартинах, делилась новыми бытовыми открытиями. Так, 24 октября 1942 г. на день рождения «одной из многих, одинаково дорогих» она получила «своего рода боевое крещение»: впервые в своей жизни выпила шампанского. «А сегодня мы с перерывами выпили по два стакана этого шипучего, но вовсе не такого вкусного, как я думала, вина» [20].

Заключение.

Дневники и письма Е.М. Рудневой как источник по истории далекого и теперь уже малопонятного нам времени рисуют не совсем привычный образ войны. Она предстает перед читателем временем, в котором не только воевали, но и жили люди с твердой верой в то, что жизнь вопреки всему продолжается. Привыкание к этому образу для профессионального сообщества пока еще сродни «умению носить сапоги 41-го размера». Однако путь к освоению истории войны никогда еще не был столь извилистым и одновременно многообещающим.

Примечания:

1. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 20.
2. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1954; 1958; 1995.
3. Ракобольская И.В. Предисловие к третьему изданию // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С.7; Как отмечала сама Е.М. Руднева 2 декабря 1942 г., «потом приезжал этот идиотский писатель Купер, утащивший у меня дневник» // Там же. С. 128.
4. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 8.
5. Там же.
6. Там же. С. 123.
7. Ирина Ракобольская: Ночные ведьмы. URL: tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.html (Дата обращения: 10.05.2012).
8. Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 15.
9. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С. 147.
10. Там же. С. 195.

11. Там же. С. 91.
12. Там же. С. 144.
13. Там же. С. 90.
14. Там же. С. 96.
15. Там же. С. 97.
16. Там же. С. 89, 91.
17. Там же. С. 91.
18. Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 14, 15.
19. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С.91.
20. Там же. С. 119.

References:

1. Nora P. Frantsiya – pamyat'. SPb., 1999. S. 20.
2. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. M., 1954; 1958; 1995.
3. Rakobol'skaya I.V. Predislovie k tret'emu izdaniyu // Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. M., 1997. S.7; Kak otmechala sama E.M. Rudneva 2 dekabrya 1942 g., «potom priezzhal etot idiotskii pisatel' Kuper, utashchivshii u menya dnevnik» // Tam zhe. S. 128.
4. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S. 8.
5. Tam zhe.
6. Tam zhe. S. 123.
7. Irina Rabokol'skaya: Nochnye ved'my. URL: tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.html (Data obrashcheniya: 10.05.2012).
8. Kto oni, eroi voiny? // Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S. 15.
9. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. M., 1997. S. 147.
10. Tam zhe. S. 195.
11. Tam zhe. S. 91.
12. Tam zhe. S. 144.
13. Tam zhe. S. 90.
14. Tam zhe. S. 96.
15. Tam zhe. S. 97.
16. Tam zhe. S. 89, 91.
17. Tam zhe. S. 91.
18. Kto oni, eroi voiny? // Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S. 14, 15.
19. Poka stuchit serdtse: Dnevnik i pis'ma Geroya Sovetskogo Soyuz Evgenii Rudnevoi. S.91.
20. Tam zhe. S. 119.

УДК 94

Письма и дневники Е.М. Рудневой как исторический источник

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия
Доктор исторических наук

Аннотация. В статье на примере конкретного источника показываются возможности опубликованных документов личного происхождения в изучении антропологической составляющей Великой Отечественной войны. Отмечается, что они воссоздают не совсем привычный образ войны. Она предстает перед читателем временем, в котором не только воевали, но и жили люди с твердой верой в то, что жизнь вопреки всему продолжается. Подчеркивается, что привыкание к этому образу для профессионального сообщества пока еще сродни *«уменью носить сапоги 41-го размера»*.

Ключевые слова: письма и дневники; Е.М. Руднева; исторический источник.